

9 ДЕК 1970

ВЕЧЕРНИЙ ПЕРМЬ
г. ПЕРМЬ

О литературно-музыкальных композициях Максима Кончаловского

ЖАНР своих выступлений Максим Кончаловский пока не стремится обозначить как-то определенно, словно предоставляя это слушателям. Каждая из нескольких его программ, как правило, названа лишь именами, о которых в ней идет речь: «Скрябин. Врубель. Блок», «Французский импрессионизм в музыке, живописи, поэзии» (далее — имена), «Микеланджело. Бах». Во всех трех случаях в действие включаются и поэзия, и музыка, и живопись — одновременно и на равных. По замыслу ни одно из этих искусств не служит средством иллюстрации в концертной программе, а должно входить в композицию как часть органического целого. Происходит своеобразное соединение их в некоем новом, еще, конечно, незавершенном жанре. Вероятно, формируется он на наших глазах, с участием нашего сознания. Встречаются здесь, понятно, и удачи, и сравнительно слабые места, как во всяком новом деле. И появляется ожидание открытий.

Идея создания таких «синтетических» программ возникла у Максима Кончаловского, профессионального пианиста, выпускника Московской консерватории, года четыре назад.

Для пермских слушателей и зрителей встреча с этим концертным жанром происходит впервые. Пропагандирует ли артист классическую музыку, творчество французских импрессионистов, еще недостаточно широко известное нашей публике, поэзию близких им французских поэтов конца прошлого века, наконец, лирику Блока, живопись Врубеля,

Цель каждой музыкально-поэтической композиции артиста — донести до слушателей ощущение значительности, единственности, непреходящего характера подлинных шедевров искусства, неповторимости творчества и самой личности великого художника, неотделимого и от своего времени, и от нашего внутреннего мира. Здесь требуются

Ренуара, французских поэтов-символистов, некоторые из их стихотворений в оригинале. Создается ощущение единства мира подлинного большого искусства — поэзии, музыки, живописи, в нашем представлении зримо возникает обобщенное, широкое понятие Поэта.

Несомненно, удачным для начала выступлений Кончалов-

много нового для большинства слушателей, но и ее нельзя было бы свести только к пропаганде творчества художников этой школы. Пафос первооткрывательства, стремление открыть человеку его самого, увидеть мир новыми глазами и беспредельное подвижничество тружеников большого искусства — так можно определить главное в замысле автора — чтеца, пианиста, искусствоведа, просто нашего собеседника.

Менее цельной и органичной оказалась композиция о Микеланджело и музыке Баха, построенная по тому же принципу. Здесь повествование о жизни Иоганна-Себастьяна Баха стало, по сути, вставной новеллой в концерте. Самый сильный моментом композиции следует назвать своеобразное слияние живописи и музыки в «Страшном суде», крупнейшей фреске знаменитой Сикстинской капеллы, и токката Баха, «представленных» слушателям и зрителям синхронно.

Музыка, живопись, поэзия способны не только дополнять, но и раскрывать друг друга. Об этом убедительно напомнили нам композиции Максима Кончаловского, в которых присутствует еще один решающий фактор — личность современного художника.

ПОЭТ — ВЕЛИЧИНА НЕИЗМЕННАЯ

музыку Скрябина? Да, конечно, и делает это как энтузиаст. Но делает он это так уверенно, с таким знанием предмета и таким профессионализмом, что сначала даже трудно определить, кто он — искусствовед, чтец-исполнитель со своей оригинальной манерой или пианист. Только позднее, прослушав несколько труднейших для исполнения фортепианных пьес Скрябина, Дебюсси, Равеля, мы поймем, что в качестве музыкальных иллюстраций к живописи или поэзии, с приблизительным отбором и самым общим представлением, такие вещи в программу не включают. Тут требуется мастер, и Кончаловский оказывается именно им.

особый, доверительный контакт с залом, непринужденная и точная манера подачи материала. Есть современно мыслящий артист, настроенный на привычное уже понимание современного слушателя. Для контакта с ним нужно немного. Три свечи, горящие в старинном подсвечнике на рояле, и небольшой усовершенствованный проекционный фонарь с дистанционным управлением — он на авансцене, но малозаметен. По ходу концерта в действие включаются диапозитивы, звучат музыка, стихи Блока, Пастернака, Цветаевой, Бальмонта, сонеты Микеланджело, отрывки из воспоминаний Брюсова, статей Мопассана, выдержки из выступлений

ского был выбор первой композиции — о деятелях великого русского искусства. Слова Блока, прозвучавшие со сцены, — «Только о великом стоит думать» — явились как бы девизом вдохновенного рассказа о нем, о Врубеле («С Врубелем я связан жизненно», — говорил поэт), о Скрябине, о единстве их глубокого художнического мироощущения, о способности большого искусства слушать Время. Об этом с особой убедительностью говорили и тщательно отобранные произведения трех великих художников, и продуманные приемы монтажа, выражающие позицию автора программы.

Композиция о французских импрессионистах содержала

В. ВОЛОВНИНСКИЙ.